

Лалакова Алина Дмитриевна, студентка,
Ленинградский государственный
университет им. А.С. Пушкина
Lalakova Alina Dmitrievna, student,
Leningrad State University. A.S Pushkin

**КАТЕГОРИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ И ЕЁ РЕАЛИЗАЦИЯ В
СИНТАКСИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ БЫЛИННОГО ТЕКСТА
THE CATEGORY OF LANGUAGE PERSONALITY AND ITS REALIZATION
IN THE SYNTACTIC ORGANIZATION OF THE EPIC TEXT**

Аннотация. В статье рассматривается и исследуется синтаксический уровень понятия «языковая личность» в рамках модели Ю. Н. Караулова на примере былинных текстов. Устанавливается, что синтаксические особенности былин являются прямым отражением языковой личности богатыря. Богатырь предстает архетипической национальной языковой личностью, чьи слова неразрывно связаны с подвигом и верой.

Abstract. The article examines and studies the syntactic level of the concept of "linguistic personality" within the framework of Yu. N. Karaulov's model, using epic texts as an example. It is established that the syntactic features of epics are a direct reflection of the linguistic personality of the hero. The hero appears as an archetypal national linguistic personality whose words are inextricably linked to heroism and faith.

Ключевые слова: Языковая личность, былина, синтаксические особенности, речевой портрет, Ю. Н. Караулов, национальный архетип.

Keywords: Linguistic personality, epic poem, syntactic features, speech portrait, Yu. N. Karaulov, national archetype.

Понятие «языковая личность» было введено в отечественную лингвистику В. В. Виноградовым («О языке художественной прозы»), где он определяет это явление как «*вместилище социально-языковых форм и норм коллектива, как фокус скрещения и смешения разных социально-языковых категорий*» [1, 61]. В лингвокультурологии исследование понятия «языковая личность» занимает основополагающее место, так как непосредственно является звеном, соединяющим не только абстрактное понятие «язык» и его носителя, но и самобытную личность, обладающую характерными лингвистическими особенностями.

Несмотря на то, что интерес к изучению «языковой личности», как национально-культурного феномена, прослеживался на протяжении всей истории науки, систематическое теоретическое осмысление этой категории дал отечественный лингвист Ю.Н. Караулов в фундаментальном исследовании «Русский язык и языковая личность».

Языковая личность, по определению Ю.Н. Караулова, «*есть личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, есть личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств*» [2, 36]. Данное определение смещает фокус с языка как имманентной системы на его носителя – человека, рассматривая его не как пассивного носителя словаря и грамматики, а как личность, чья речь отражает его внутренний мир.

Наиболее значимым вкладом Ю.Н. Караулова в развитие лингвистики стала предложенная им трехуровневая модель структуры языковой личности [2, 48-61]:

Первый уровень – *вербально-семантический*, предполагает для носителя нормальное владение естественным языком, а для исследователя – традиционное описание формальных средств выражения определенных значений.

Второй уровень – *когнитивный*, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в более или менее упорядоченную «картину мира», отражающую иерархию ценностей.

Третий уровень – *прагматический*, включает цели, мотивы, интересы, установки и интенциональности личности [2, 15].

Синтаксические особенности былин – необходимые инструменты для решения конкретных эпических задач в рамках былинной традиции. Они продиктованы устным характером произношения, обрядовостью, специальной ретардацией, которая обеспечивала бы возвеличивание прошлого и др.

Синтаксические особенности – не просто стилистика жанра, но и прямое отражение и конструкт языковой личности богатыря. Через них проявляется его мировоззрение, этика и психология, т.е. его речевой портрет.

Наиболее распространённой синтаксической особенностью является повтор: «*А не честь же, не хвала мне молодецкая // Окровавати крылечко княжеское // Выведу я его на широкий двор <...> А не честь же, не хвала мне молодецкая // Окровавити да княжеский двор // Выведу его я во чисто поле*» [3, 133].

Повторяющиеся описания делают события и образы более значительными, подчёркивают их важность, а также усиливают значение произносимого слова.

В былинах используются повторы как отдельных слов, так и нескольких строк. Повторяющиеся сочетания могут стоять в конце одной строки и начале следующей (палилогия) или оба повторяемых элемента – в начале строки (анафора). Богатырь в былинной мысли и говорит не бытовыми, а укрупнёнными, "крупномасштабными" категориями. Повторы в его речи (или в описании его действий) – это отражение его несгибаемой воли, сверхчеловеческой решимости и завершенности подвига («*Как сидел бы у тебя я на белой груди, // Как держал бы во руке булатный нож, // Не спросил бы у тебя я роду-племени, // Не спросил бы у тебя отца и матери*» [3, 227]), абсолютной целеустремленности («*Я к тебе служить заехал верой-правдою // Не боюсь татар я в поле тысячи, // Не боюсь и другой тысячи*» [3, 135]).

Богатырь – существо прямого действия и ясной цели. Именно это обуславливает особенности его речи: она ритмична и лишена многословности.

Ещё одна распространённая синтаксическая особенность – параллелизм, основной задачей которого становится усиление впечатления читателя и слушателя, а также организация эпического текста. Он может быть разных видов и подчёркивать разное состояние:

Наставления или указы (цель параллелизма в данном случае – убеждение в обязательности исполнения того, о чем говорится): «*Ты седлай тогда добра коня, // Полагай на него доспехи крепкие, // Поезжай на нем во чисто поле*» [3, 82]; «*Ты лети-ка, стрелка, да не в темный лес, // Ты лети-ка, стрелка, не во чисто поле, // Ты пади-ка Соловью во правый глас // Вылетай-ка во лево ухо!*» [3, 91].

Психологическое состояние:

Задумчивость: «*Не хотелось бы отцу быть супротивником, // Не хотелось бы и заповеди переступить; // Да хоть всякий заповеди клдывал, // А не всякий заповеди сдерживал*» [3, 86].

Злость: «*Ах ты, волчья съть, медвежья выть! // Не ходил ты разве, конь мой, по лесу, // Не слышал ты повсигу соловьяного, // Не слышал ты пошину змеинаго, // Не слышал ты покрику зверинаго // Не видал ударов богатырских?» [1, 91].*

Обращения и угрозы: «*Ай же ты, крестовый братец мой <...> Ай же ты, Добрынюшка Никитич млад*» [3, 140]; «*Мне не сесть с тобой да за единый стол, // Мне не есть твоих да яствушек сахарных, // Мне не пить твоих да питьицы медвяных, <...>*

Постою ещё за стольный Киев град, // Постою за церкви за Господня, // Постою за вдов, сирот да бедных людюшек!» [3, 158].

Крайне характерными для былин являются также инверсии («*Не ходи только драться-ратиться // Со могучим Святогором-богатырем*», «*А пройдет тому времени три месяца*», «*А теперь доставай-ка себе коня, // Коня доброго, коня богатырского*» [3, 81]). Они создают определенный ритм, а также позволяют соблюсти стихотворный размер и акцентировать смысл на ключевые слова.

Нередко в текстах былин можно встретить паратаксис, который также служит средством создания определенной интонации и создает эпическую повествовательность («*А прошло времени тому три месяцы – // Стал по три ночи в саду его поваживать*», «*Как сожмет в кулак рукоять меча – // сокрушится рукоять, разсыплется*» [3, 83], «*Да хоть всякий заповеди кладывал, // А не всякий заповеди сдерживал*» [3, 87]).

Помимо этого, одним из средств организации синтаксиса являются риторические вопросы и восклицания, которые подчеркивают мощь и уверенность героя («*Гой еси, Алешенька Попович млад! // Хошь ли, я тебя огнем спалю? Хошь ли, я тебя конем стопчу? Хошь ли, я тебя копьем убью?»* [3, 34], «*Коли хочешь, князь, потешиться, // Посылай ещё хоть трех богатырей*» [3, 137], «*А не будем же мы большие жить во Киеве, // А не будем же служить князю Владимиру!»* [3, 144]), выражают презрение к врагам («*Ай же ты, змея проклятая! // Я-ль нарушил нашу заповедь, // Али ты, змея, ее нарушила?»* [3, 49], «*Уж ему ли, деревеницине, проехати // Прямохожею дорожкой, проямоезжею?»* [3, 95]), демонстрируют эмоциональную насыщенность, решительность и торжественность момента («*Не хочу идти к вам воеводою!»* [3, 89], «*Что за чудо? ... Богатырь да на коне заснул?»* «*Ты чего идешь да спотыкаешься? Аль невзгуду надо мною ведаешь?»* [3, 121]).

Отметим ещё одну важную черту, определяющую нравственный стержень былинного героя – риторические обращения к Богу. Зачастую это обращение перед боем: «*Тут Алеша целу ночь не спал – <...> Со слезами Богу молится: // Дай-ка, Господи, мне тучу грозную, // Тучу грозную со градом-дождичком, // Подмочило бы коня крылатого // У Тугарина Змеевича*» [3, 34]; «*Сам Добрыня на коне утрашился, // Богу Господу взмолился, // Мати пресвятая Богородице: // Унеси меня от скорой смерти, Господи!»* [3, 201].

Однако есть примеры обращения к высшим силам и в бытовых ситуациях: «*Говорит в ответ им Илья Муромец: // Не дай Господи с холопа делать барина, // С барина холопа, с палача попа, // Воеводу делати с богатыря!»* [3, 88].

Встречаются случаи, когда и нечистые силы обращаются к Богу: «*А не дай нам Бог видать русских людей! // Неужто все таковы во Киеве, // Что один да побил всех татаровей?»* [3, 146].

Речь богатыря пронизана религиозным сознанием. Он постоянно сверяет свои действия с духовным законом. Его языковая личность – это личность воина-монаха (в архетипическом смысле): сила подчинена служению, а служение освящено молитвой. Это создает образ «воина Христового», что является высшим идеалом русского эпоса.

Таким образом, синтаксические особенности былины – это прямое отражение языковой личности богатыря, которая стремится к цельности и монолитности. Она действует в мире, где слово, дело и молитва слиты воедино. Синтаксис былины создает и отражает этот совершенный, гармоничный и сакральный тип сознания – защитника Святой Руси, чья сила физическая равна силе духовной.

Список литературы:

1. Виноградов, В. В. О языке художественной прозы / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1980. – 362 с.

2. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 261 с.
3. Рябинин, Т.Г. Книга былин / В.П. Авенариус. – М.: Советская Россия, 1988. – 423 с.

